

Анна
Федотова

ПЕЛИКАНЫ

Смертельный поединок

Анна Федотова

Пеликаны. Смертельный поединок

«Автор»

2024

Федотова А.

Пеликаны. Смертельный поединок / А. Федотова — «Автор»,
2024

Латика – дочь вождя племени Пеликанов. Нейт – её старший брат. Их воспитывали разные няни и тренировали разные наставники. Между ними нет ничего общего, и они ненавидят друг друга, ведь одному из них однажды придётся убить другого в «братском поединке» за право стать наследником вождя. В отличие от брата Латика не уважает обычай племени, считая его бесчеловечным и жестоким, но разве ей оставили выбор, сказав, что смертельный поединок назначается на завтра?

Содержание

Глава первая. Латика	5
Глава вторая. Нейт	23
Глава третья. Латика	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Федотова

Пеликаны. Смертельный поединок

Глава первая. Латика

Вылупившийся из яйца пеликан убивает своего младшего брата или сестру, чтобы ему досталось больше еды. Вот почему мы зовёмся племенем Пеликанов.

Только, в отличие от птицы, человек рождается слишком беспомощным, поэтому нам даётся девятнадцать лет, чтобы научиться убивать. Когда младший наследник достигает этого возраста, старший получает право убить его в «братском поединке». Если не справится, он сам будет убит младшим.

Так что я с ранних лет знала: однажды старший брат убьёт меня.

В последнее время эта мысль всё чаще не давала мне покоя, но мне ни с кем не хотелось обсуждать её, разве что с Мэтом. Когда ему удавалось ускользнуть от работы с отцом, занимающимся выделкой кожи, он ждал меня в развалинах, которые начинались сразу за моим домом. Поговаривали, что они сохранились со времён Великого Погребения. Если забраться по стенам на самый верх, можно было увидеть почти весь город и ещё речку и мостик. Эти руины не любили по той же причине, что и Проклятый лес, поэтому не использовали, но и разрушить не решались.

Мы прятались там, делились последними новостями, играли и подглядывали за тренировками моего брата Нейта на площадке. Она отлично просматривалась отсюда.

Часто за Мэтом увязывалась его восьмилетняя соседка Ри, хотя и была младше него на целых восемь лет, а меня так, и вообще, на одиннадцать, но с Мэта она не сводила глаз, и я подтрунивала над ним, говоря, что у него есть прекрасная возможность воспитать для себя будущую жену. Мэт фыркал, краснел и начинал посмеиваться надо мной.

Хоть я никому и не говорила, но мальчишка сам заметил, как к моему лицу подкатывает жар, стоит мне услышать имя Эрина, лучшего друга Нейта. Подглядывание за братом было лишь предлогом. Меня больше интересовал его противник по тренировкам, хоть мы и были с ним едва знакомы. Эрин вырос в семье охотников, иначе говоря, людей, которые единственные из всего племени ходили в Проклятый лес, и, конечно, стал одним из них.

– Поздоровайся с Латикой! – сказал Мэт, когда я вылезла из дыры в стене, потому что другого способа попасть в развалины не существовало, и подтянулась на руках, цепляясь за остатки перекрытий второго этажа. В этих старых стенах были и окна, но слишком высоко для моего роста, а вот двери, скорее всего, ушли под землю.

– С кем ты говоришь? – не поняла я.

Мэт раскрыл ладонь, и я взвизгнула, увидев на ней длинную сороконожку.

– Убери это!

Он захохотал.

– Дочь вождя, вы только посмотрите на неё, боится насекомых, – он взял чудовище за вертлявое тельце и потряс им передо мной.

Я вжалась в стену.

– Ничего я не боюсь. Просто не люблю всё мелкое и движущееся.

– Боишься, боишься! – смеялся Мэт. – Видела бы ты свои глаза. Ещё бы! Эта сороконожка запросто съест тебя! – он, казалось, скоро лопнет от смеха, но ещё раз посмотрев на меня с издевательской улыбкой, всё-таки выкинул насекомое за окно.

– Одна, может, и не съест. А если много? Только представь... Много-много сороконожек бегают по тебе. Я умру на месте.

Мэт хмыкнул.

– Их можно легко стряхнуть. Не пристало дочери вождя быть такой трусихой.

– Никчёмной дочери вождя, ты забыл добавить.

– Скажи это ещё раз, и сороконожка вернётся, – Мэт сделал вид, что шарит рукой за окном.

Я вздохнула. Настроение шутить испарилось.

– Так считает мой брат.

Мэт закатил глаза.

– Ладно, прощаю. Как учёба? – спросил он, усевшись в оконном проёме. Густые непослушные волосы цвета медвежьего меха скрыли бы его лицо, когда он склонился над своим ножиком, если бы не были перехвачены узкой кожаной тесьмой.

– Как обычно, – выдохнула я. – Слушать бесконечные легенды племени выше моих сил, – я устроилась рядом с Мэтом и вдохнула его такой знакомый запах кожи. Так пахло и у него в доме, и в мастерской отца.

Мэт принялся крутить в пальцах ножичек в новой оплётке. Ещё немного и парень станет мастером не хуже своего родителя.

Я посмотрела вниз. Этот вид всегда меня привлекал. Ровный круг, выложенный из одинаковых по форме и размеру продолговатых камней, за ним – круг из камней поменьше, а в середине – большой валун с углублением. Наверное, в него что-то ставилось, и похоже было, что раньше это место играло роль святилища или ритуального зала. Стены возвышались над загадочным сооружением, а рисунок на потолке повторял его. Правда, теперь не было никакого рисунка. Только дыра в небо.

– Знаешь легенду о старшем сыне? – спросила я.

– Нет. Отец рассказывал мне только про Золотую рощу, которую посадил... Забыл, как звали того жреца.

Синие глаза, совершенно чужие во всём кожано-коричневом облике Мэта, поднялись к небу.

– Его звали Неймед, – напомнила я. – В знак заключения мира с южными племенами жрец Неймед посадил на их территории дубовую рощу, которая раз в сто лет даёт урожай золотых желудей.

– Точно, вылетело из головы, но про жёлуди я помню.

Я улыбнулась. Мэт не ходил в школу. Он был поздним ребёнком, и отец боялся, что не успеет обучить сына своему ремеслу, поэтому учил его сам прямо в процессе работы.

– Ну, так вот. Другая легенда говорит о сыне Артэра – первого вождя Пеликанов. Его сын по имени Айлилл был старшим из детей и победил в «братском поединке». Ему предстояло стать вождём, но на него был наложен гейс: Айлиллу запрещалось нарушать волю отца.

Мэт присвистнул.

– Осенью на племя напали кочевники. Дикарей было много, и Пеликаны бились насмерть, защищая свои дома. Они укрыли детей и женщин в башне. С её стен горожане атаковали врага из луков и пращей. Но вождь дрался внизу вместе со своей дружиной. Кочевники пробрались в его дом и схватили жену, он бросился её спасать, но был тяжело ранен, истекал кровью, а когда увидел сына, то закричал: «Уходи, Айлилл! Ты будущий вождь!». Однако Айлилл не ушёл, а стал драться и прогнал захватчиков. Уже позже он, стоя на стене башни, стрелял из лука в убегающих дикарей. Он мог стать вождём. Но началась гроза, и молния поразила Айлилла. Такова была кара за нарушение гейса.

– А как же вождь?

– Артэр выжил, и через десять лет у него родился сын, который стал вождём. Звали его тоже Айлилл.

– Он защитил семью, – дёрнул плечами Мэт.

– Семейю, которая заставила его убить брата. Кому нужна такая семья? – я перепрыгнула через дыру в том, что когда-то было полом. – Не лучше ли быть одиноким и свободным? Или найти тех, кто просто будет тебя любить?

– Не знаю. Отец говорит, что вместе мы сильнее, чем по одному.

– Но счастливее ли? – задала я вопрос, который не был вопросом. Мэту не понять. Он один в семье, родители любят его и верят, что он продолжит дело отца. – Слушай, а где сегодня Ри?

Вот чего не хватало в руинах. Её звонкого детского смеха.

– Не знаю. Я видел Мидира, он шёл к ним в дом.

При упоминании жреца, у меня по спине побежал холодок. Мидир часто бывал в нашем доме, но я предпочитала не встречаться с ним с глазу на глаз. От его серого мутного взгляда, казалось, не ускользало ничего, он видел все твои тайны, и я боялась, он узнает мой главный секрет, и тогда всё сорвётся.

«Ты помнишь свои запреты, дитя?» – голос Мидира делался выше обычного, когда он говорил со мной.

«Не срывать целебных трав, – прошептала я с пелёнок вызубренные гейсы. – Не заговаривать первой и не стрелять из лука».

«Хорошо, Латика, – он положил мне на макушку крепкую руку. – Помни о запретах и традициях племени. Они священны!» – палец жреца устремился к небу.

Позже это очень расстроило меня.

«У тебя врождённая меткость, – сказал однажды Тарвос. – Хотя, может, и не врождённая. Возможно, она появилась тогда, когда жрец навесил на тебя гейс. Судьба умеет пошутить. Но ничего, Латика. Ты её обманешь. Если судьба дала тебе меткость, но не дала лука и стрел, возьми нож и действуй».

Вот я и стала учиться использовать меткость на ножах вместо стрельбы из лука. А мне так нравилось держать в руках это гибкое, послушное оружие! Я часто брала у Мэта его лук и прицеливалась в мишень. Но никогда не выпускала стрелу.

Пристальный взгляд Мэта вырвал меня из далёкого детства, и я вспомнила, о чём мы говорили.

– Что понадобилось жрецу в доме Ри?

– Кто ж его поймёт, – ответил Мэт, а я посмотрела за окно.

– А вот и она, – улыбнулась я, глядя, как маленькая золотоволосая фигурка несётся через площадь, подбрасывая подола юбок.

Через несколько минут девчушка вылезла из дыры в стене и, задрав голову, посмотрела на нас. Я помахала ей, а Мэт нахмурился.

– Ты плакала?

– Нет, – шмыгнула носом Ри, и когда она поднялась к нам по остаткам каменной лестницы, подпёртой снизу побитыми колоннами, я рассмотрела полоски грязи на её лице.

– Что случилось, Ри? – я протянула руку, Мэт придвинулся, тоже заглядывая ей в глаза, и девчонку с новой силой накрыло.

– У меня, – всхлипнула Ри, – у меня родился... – дальше последовали только всхлипы.

– Кто родился? Ну говори же! – строго потребовал Мэт, и я бросила на него укоризненный взгляд.

– Бра-а-тик, – девчонка скривила рот и заревела.

Я понимала Ри, как никто другой. Как никто в племени Пеликанов. Как никто на свете.

– Он вырастет, станет сильным и убьёт меня, – всхлипнула Ри, вытирая рукавом лицо.

– Не говори ерунды, – буркнул Мэт, но почему это ерунда так и не объяснил, а Ри уже смотрела на него синими кукольными глазками, полными надежды.

– Не беспокойся, Ри, – за Мэта пришлось выкручиваться мне. – Я стану наследницей вождя и отменю дурацкий закон.

Ри прерывисто вздохнула.

– Ты, правда, сможешь?

– Конечно, смогу, – соврала я, и теперь укоризненный взгляд на меня бросил Мэт. Мы с ним оба понимали, что никто не сможет отменить многовековую традицию «пеликанов». Да что там традиция! Я-то отлично осознавала, что в поединке с братом мне не выжить.

– Нейт, Эрин, живо по местам! Где вы ходите? – снизу долетел крик Орлама, наставника моего брата, и мы, перебежав на другую сторону развалин, откуда открывался вид на двор, припали к окнам.

Мечи скрежетнули, когда Нейт замахнулся, но Эрин отбил его удар.

– Нейт, резвее! – кричал Орлам. – Не давай ему вздохнуть! Выспаться можно, пока ты делаешь разворот.

И Нейт начал резвее. Он крутился, нападал, Эрин уворачивался, нападал в ответ, мечи лязгали.

– М-м-м, – замычала я, когда Нейт полоснул Эрина по руке, на светлой рубашке проступила кровь, а я инстинктивно схватилась за плечо.

Мэт хмыкнул, отошёл от окна и метнул нож в приставленную к стене доску. Конечно же, промазал, нож поцеловал камень и упал. Я поняла это по звукам, а глаза мои неотрывно следили за Эрином. Его волосы растрепались, а рукав пропитался кровью, но он продолжал бороться. Никогда не сдавался до последнего, пока Орлам не остановит бой. Сегодня Эрин проигрывал Нейту. Опять.

Ри так же, как и я, следила за боем.

– Ты уверена, что убьёшь своего брата? – прошептала она, прикрыв ладонью рот, когда Нейт сбил Эрина с ног и занёс клинок над ним.

Я в этот миг сжала кулаки и перевела взгляд на Ри.

– Сделаю всё, что смогу.

На этот раз я не соврала. Я, правда, сделаю всё, что смогу, чтобы выжить.

– Кажется, Мидир идёт к вам, Латика, – произнёс от другого окна Мэт, и меня бросило в жар.

– Что он опять у нас забыл? Если честно, мне не нравятся его разговоры о роще.

– О той самой? – спросил Мэт.

– Да, – раздражённо выдохнула я. – Я слышала, – по привычке я огляделась, будто здесь кто-то мог нас подслушать, а уровень моей подозрительности в последнее время часто зашкаливал, – как он говорил отцу, что сотня лет с предыдущего урожая золотых желудей на исходе. Что «пеликанам» следует задуматься о своём будущем и будущем своих потомков.

– А что же вождь?

– Ты ведь знаешь моего отца. Он ценит традиции больше жизни. По крайней мере, точно больше жизни своих детей, – усмехнулась я. – Он сказал, что созданная Неймедом роща – залог мирных договорённостей с югом, и нарушать их он не намерен.

– Эх, а я бы посмотрел на это. Толька представь, целая роща дубов, и вся в золоте. Как считаешь, Ри?

Мэт посмотрел на неё, и та смутилась.

– Хочу золотые жёлуди.

– А войну с югом тоже хочешь? – я ткнула её пальцем в бок.

– Нет, – замотала головой Ри. – Мой дедушка погиб в войне с кочевниками. Не хочу, не хочу больше войну.

– Тогда перестаньте болтать. Надеюсь, жрец ненадолго, а то придётся мне здесь сидеть до вечера, – проворчала я.

– И мне, – сказала Ри, обнимая подтянутые к груди коленки.

– Чего это вдруг?

– Не хочу домой, – надула губы Ри. – Не люблю я этого братика.

Я вздохнула и обняла её.

– Слушай, Ри. Он ещё совсем крошечный, и от твоего поведения многое зависит. В конце концов, он же не виноват, что родился.

– Твой брат тоже не виноват? – с недоверием посмотрела Ри.

Бросив взгляд за окно, я заметила, как Эрин, поднявшись, улыбнулся и хлопнул Нейта по плечу. Как он может! Я бы с радостью стукнула брата в лоб.

– Это другое, – буркнула я. – Мы с братом почти ровесники. И он всегда меня раздражал, – я скосила глаза на подружку. – У тебя всё будет по-другому, запомни это, Ри, – она понимающе кивнула, а я наклонилась к её лицу. – Обещай мне, что позаботишься о братике.

– Обещаю, – прошептала та.

– Хорошо, мне пора. Тарвос будет ругаться.

– Мы тоже пойдём, – сказал Мэт, убирая ножик в ножны, – да, Ри? – он подмигнул, и та, словив этот жест, просияла, вскочила и расправила свои юбки.

Дома мне, конечно же, повезло застать Мидира. Он сидел в столовой с отцом и пил вино из позолоченного кубка.

Я молча остановилась напротив стола. Жрец долго бродил по мне тусклым взглядом, потом кивнул, едва не погрузив бороду в кубок, и сделал глоток. На широком рукаве его мешковатого платья я заметила пятнышко птичьего помёта. Наверняка отправлял с каким-нибудь посланием птицу. Обычно так приглашают высоких особ на торжественные мероприятия. А, может, он вёл переписку с другими жрецами...

– Доброго дня, Латика! – прервал он ход моих мыслей.

– Приветствую, верховный жрец Мидир, отец, – я склонила голову и повернулась к лестнице, чтобы подняться к себе и попросить няню принести что-нибудь поесть.

– Остайся, Латика, – сказал отец. – Твои мать и брат сейчас подойдут. Нам нужно поговорить. Присядь.

Я съежилась, потёрла ладони друг о друга, но не смогла согреться. Ледяной тон отца вкупе с его посеревшим лицом и присутствием жреца не сулил ничего доброго, поэтому, присев на краешек стула, я принялась крутить в пальцах под столом нож, подаренный Мэтом, переводя взгляд с отца на Мидира и обратно. Они обсуждали какие-то будничные вопросы, вроде уборки урожая и строительства амбара, но в моих ушах стоял бесконечный шум.

– День добрый, Мидир! – мать влетела в столовую быстрыми мелкими шагами, придерживая подол и гордо неся себя, как умела только она. Ладно, не только. Многие женщины племени так умели. И даже подружка Нейта, эта бесячая Лавена с рыжими косами. Но не я.

За матерью следовал и мой братец. Я могла бы узнать его по походке да хоть с другого конца площади. Твёрдый, размеренный и широкий шаг. Ничьи сапоги не вбивали пыль так чётко и звонко, как сапоги моего брата, когда он шёл по каменному полу.

Нейт не одарил меня взглядом, а мать сдержанно улыбнулась. После обмена любезностями Мидир, как-то, между прочим, немного поговорив о погоде и луне, что как раз вошла в стадию роста, погладив бороду, произнёс, что «братский поединок» назначается на завтра.

С тем он и откланялся.

Отмерев, я сглотнула и посмотрела на брата. Он тоже посмотрел на меня холодными глазами цвета мокрого песка. Над столом повисло долгое молчание.

– Полагаю, нам надо разойтись и собраться с мыслями, – сказал, вставая, отец. – Правила вы знаете, – он окинул взглядом нас с братом. – Увидимся за ужином. Дорогая?

Мать поднялась, не сказав ни слова, и, лишь на миг обратив к каждому из нас окаменевшее лицо, по бледной коже которого поползли розовые пятна, удалилась следом за отцом.

Мы с братом снова посмотрели друг на друга. Нейт ухмыльнулся. Я тоже.

Завтра он должен меня убить.

Но у меня... Другие планы.

Я поднялась в комнату, переоделась в более удобную для занятий одежду, и отправилась к Тарвосу. Наставник ждал и сразу же, без прелюдий, швырнул в меня меч. Я поймала. Он кивком указал на середину площадки. Мы немного покружили, словно в медленном танце, а потом Тарвос внезапно напал, замахнувшись мечом, судя по траектории, стремящимся к моей шее. Я отбила атаку и, пользуясь близким расстоянием до противника, ударила ногой в живот.

Ага. Собиралась ударить. Тарвос успел поставить руку, потом крутанул ей так, что я не устояла и повалилась назад себя.

– Неплохо, но я заметил, как ты перенесла вес на одну ногу, это тебя выдало. Попробуй меня отвлечь, прежде чем бить в живот.

Тарвос поманил меня пальцами, я поднялась и атаковала мечом. Оружие зазвенело, мы закружились, теперь уже как тетерева на току, время от времени поочередно делая выпады. Пару раз Тарвос чиркнул по мне ребром своего меча, распоров штанину и рукав. Няня будет ворчать, что мы портим одежду, но эта рубашка и так уже тысячу раз залатана. К тому же она больше мне не пригодится. От этой мысли я сжала зубы, перехватила меч двумя руками и, вложив в них всю злобу, на какую была способна, пошла в быстрое наступление. Наставник умело отступал, его глаза горели, а мне хотелось поскорее закончить этот бой. Отбросив от себя меч противника, я крутанулась и в прыжке ударила Тарвоса в грудь. Он качнулся, сделал два шага назад, но устоял, и тут же, присев, сделал мне подсечку, воспользовавшись секундами моего самолюбования. Я рухнула на спину. Остриё меча упёрлось мне в шею.

– Всегда доводи бой до конца, – сказал Тарвос, стирая пот со лба. Нет, это не наш поединок заставил его вспотеть. Пока я бездельничала с друзьями, он занимался. Гонял себя, чтобы держать форму и всегда быть готовым. К бою, к защите племени. – Наслаждаться удачным ударом будешь потом, когда победишь, – он протянул мне руку. – Вообще-то, удар слабоват. Давай ещё раз.

Я села, согнув ноги в коленях, помотала головой. «Когда победишь». Разве этому случиться?

Меч коснулся моего подбородка, заставляя поднять голову, и я посмотрела в глаза наставнику.

– Встать! – приказал он тихо, но резко. – Я пока ещё твой наставник.

Горящий взгляд вмиг похолодел, но я не двинулась с места, желая сказать ему правду, но никак не могла выдавить из себя этих слов.

Недолго думая, Тарвос сгрёб в кулак мою рубашку на груди и рывком поставил меня на ноги, приблизил ко мне лицо, впился взглядом.

– Я сказал, ещё раз, Латика, – прошипел наставник.

– Какой в этом смысл? Ведь завтра поединок, – выдохнула я ему в лицо.

– Что? – Тарвос нахмурился, густые брови сошлись на переносице.

– «Братский... поединок», – произнесла я и попыталась сглотнуть комок, образовавшийся в горле. Когда до наставника, наконец, дойдёт, о чём я толкую, и он с жалостью выпустит меня из своей хватки, от которой рубашка начинала трещать по швам?

– Поединок? – рявкнул он. – Тогда тем более есть смысл. Дерись! Я сказал, дерись, Латика! – тряхнув меня, как щенка, он отцепился и принял боевую стойку.

Я моргала в непонимании. Где моя доля жалости? Но всё же, подняла руку с мечом.

Тарвос атаковал. Мы заплясали. Лязг оружия вытеснял из головы лишние мысли.

– Дерись! – рычал наставник. – Всегда. Дерись. Латика. Бейся. За жизнь. За себя. За других.

Его атаки превратились не иначе как в попытки убийства своей подопечной. Я с визгом отскакивала от замахов и с рёвом выдерживала давление. Я рычала в ответ и вскрикнула от боли, когда Тарвос схватил и заломил мне руку. Он отшвырнул меня, я обхватила клинок двумя руками, не обращая внимания на боль в ладони, приняла удар над головой и вцепилась Тарвосу по колену, а когда он чуть согнулся, обошла его, крутясь вокруг себя. Лезвие коснулось его шеи, и мы замерли.

– Вот так, Латика, – сказал Тарвос, хлопнув меня по плечу. – Дерись.

Я кивнула, восстанавливая дыхание.

– Увидимся вечером. Жду на медитацию.

– Да, наставник.

На трясущихся ногах я покинула площадку, добрела до кровати и упала, глядя в потолок.

Завтра «братский поединок» – самое величественное событие в жизни племени, уступающее разве что наречению нового вождя. Готова ли я к нему? Да. Я уже давно готова.

– Дети мои, – начал отец тихо, и я перестала бессмысленно ковырять вилкой в тарелке. – Завтра у нас важный день, и я хочу, чтобы вы знали, – он замолчал, не мигая, глядя на блюдо с жареным поросёнком посреди стола, – уход любого из вас станет для нас с мамой невосполнимой утратой. Но таков обычай племени. Примите свою судьбу достойно, – отец мельком пробежался взглядом по нашим лицам и снова уткнулся в румяный поросячий бок.

Я покосилась на мать. Она вытирала платком у глаз. Представление под названием «Прощальный ужин» продолжалось.

Посмотрев на брата, я словила его ухмылку. Он наблюдал за мной. Дрогнет ли моя рука, если представится шанс убить его?

Мы никогда не были близки. Нас воспитывали разные няни, нас учили разные наставники.

Завтра Нейт убьёт меня. Мне не победить в поединке с ним. Он сильный. Он умный. Он стратег. А я всего лишь «ошибка природы», как он дразнил меня с самого детства. Не при родителях, конечно.

И он был прав.

Пока Нейт занимался, изучая стратегию и тактику боя, развивая мышцы и реакцию, я сбегала от наставника, чтобы в щёлочку посмотреть за братом и его другом, с которыми они часто тренировались вместе. Мой брат почти всегда побеждал, а потом, стоя над поверженным Эрином смеялся и кричал: «Орлам, убери этот мешок с поля боя!»

Тогда я неслась на свою площадку для тренировок, хватала деревянный меч и разбивала его в щепки, лупя воображаемого Нейта. Мне так не хотелось ждать девятнадцати лет. Я была готова убить его, не поморщившись. Но вот мне девятнадцать, и всё изменилось.

Завтра Нейт убьёт меня.

«Латика, послушай, – говорил мой наставник. – Исход поединка решает не физическая сила и не грамотная тактика. Его решает судьба. И пока ты не знаешь её решения, не опускай руки. Просто покажи, что ты достойна победы, достойна отцовского наследия, его трона. И ты увидишь, как может всё обернуться».

«Да, наставник, – кивала я, но вновь и вновь сбегала с тренировки. И от няни сбегала тоже, чтобы поиграть со своими друзьями».

И пока Нейт учился сражаться, его сестра училась сбегать. Он изучил стратегию боя, а я – побега. Каждый раз я сбегала всё более изощрённым способом.

И сегодня ночью я тоже собиралась сбежать.

Нет уж, я сама буду творить свою судьбу. Я не стану подчиняться глупым обычаям. И пусть Нейт займёт трон. Он его заслужил. Племя Пеликанов будет гордиться своим вождём.

– Нейт, Латика, – из раздумий меня вырвал чуть дрожащий голос матери. – Мы любим вас, – она крепилась, судя по тому, каким напряжённым выглядело её светлое лицо. – Пусть судьба сделает выбор. Каждый из вас достоин стать вождём племени Пеликанов.

Враньё.

Мать не считала так на самом деле. Для неё я всего лишь непутёвая дочь. Вот Нейт совсем другое дело. В его лице племя обретёт истинного вождя и будет продолжать устрашать другие племена, не смеющие пойти против нас. А кому охота идти на людей, убивающих собственных детей в поединках?

Так было всегда. С самого Великого Погребения, когда весь мир за считанные недели оказался погребённым под толщей земли, горных пород и всепоглощающей лавы.

Новый мир зародился на окружённом бескрайним океаном материке, получившем название Земля.

Плоховато у людей с фантазией было, да.

Население разбросало по Земле, но все, как могли, объединялись, чтобы выжить в суровых условиях. Так появились племена. И вот уже не одну сотню лет племя Пеликанов чтит свою давнюю традицию, благодаря которой удается не только держать в страхе враждебные племена, но и решать проблему перенаселения. Семьи стараются не заводить больше одного ребёнка, чтобы не стать причастными к этому кошмарному обычаю, но вот семьи вождей не имеют права отлынивать. Наследник определяется лишь «братским поединком».

– Вы хотите сказать что-нибудь? – спросил отец.

Нейт прочистил горло и поднялся.

– Мама, папа, я благодарен вам за всё, что вы дали мне за мою жизнь.

Я не сдержалась и кашлянула в кулак.

Что они ему дали? Меч, чтобы убить свою сестру? Наставника, чтобы научил, как убить свою сестру? Учителя, чтобы красиво сказать о том, как он не хочет убивать свою сестру, но делает это?

Мать посмотрела на меня, сдвинув брови.

Да, мы никогда не были настоящей семьёй. Отцу было не до детей. Он целыми днями занимался тем, что называлось заботой о племени. А мать занималась тем, что заботилась о том, кто занимался заботой о племени. «Такова моя роль, – говорила она, – роль женщины вождя в поддержании его силы, здоровья и способности к власти».

– Я люблю вас и свою сестру, – продолжал брат, – и приму любую участь.

– Молодец, сын, – похвалила мать, а отец даже встал, чтобы обнять его.

– Латика? – разжав объятия, он посмотрел на меня. Нейт тоже. При этом издевательски поднял одну бровь. Уж я-то знала, что спектакль, разыгранный перед родителями, всего лишь лживая игра. У моего брата множество полезных талантов, но я тоже не совсем обделена ими.

Я умею говорить правду.

– Это бесчеловечный и жестокий обычай, – проговорила я сквозь зубы, поймав обескураженные взгляды моего семейства. – Не по своей воле я вынуждена участвовать в поединке, но завтра... – я сделала паузу и облизала губы. – Завтра умру либо я, либо обычай племени Пеликанов.

Мать вскочила со стула.

– Латика! Ты можешь хотя бы в такой момент вести себя достойно дочери вождя?

– Спокойно, женщина, – поднял руку отец. – Мы здесь уважаем мнение каждого члена семьи. Только запомни, дочь, в традициях наша мощь, мудрость и непобедимость.

Не в силах больше слушать эти речи, я вылетела из столовой, сбегала по ступенькам, толкнула тяжёлую дверь, выскочила на площадь и врезалась... В Эрина.

– Латика? – прошелестел над моей макушкой тёплый голос, пока я медленно поднимала голову.

Наши взгляды встретились, и моё сердце чуть не выпрыгнуло навстречу его ясным серым глазам, глядящим на меня из-под густой тёмной чёлки.

– Латика! – с крыльца долетел голос брата. – Вернись немедленно!

– Что случилось? Почему Нейт в бешенстве? – спросил Эрин, взяв меня за плечи, а я еле-еле сдерживалась, чтобы не разреветься. Но никто не должен знать о дне поединка. Таковы правила.

Я замотала головой, по лицу Эрина тенью поползла тревога. Возможно, он догадался.

– Тебе лучше идти, – тихо сказал Эрин, кивая в сторону моего брата, и я последний раз взглянув в его глаза, уставилась на свои сапоги и побрела к высокому крыльцу, где стоял, сложив на груди руки, Нейт.

– Нам запрещено покидать дом, – процедил он. – Не пойти ли тебе к своему наставнику, сестра, чтобы он в очередной раз призвал к порядку твои мозги? Хотя, о чём я говорю? Они у тебя разве есть?

Я метнула в брата гневный взгляд, крепко сжимая кулаки при этом. Он смотрел на меня сверху вниз, пока я шла по лестнице, превозмогая на каждом шагу дикое желание развернуться и рвануть отсюда, чтобы никогда больше не видеть никого из них.

При мысли, что я и Эрина никогда больше не увижу, кольнуло в груди, и я вцепилась в рубашку, комкая её на себе.

Нейт усмехнулся.

– Заносчивая скотина, – пробубнила я себе под нос, проходя мимо него к двери. Он услышал, и в следующую секунду я уже шипела от вонзившихся в спину бугорков на стене.

– Ошибка природы, – вполголоса сказал Нейт, продолжая вдавливать меня в камень. – Если бы у меня был брат, я счёл бы за честь убить его в «братском поединке». Что же касается тебя... Это будет всего лишь моей повинностью. Ты бесполезное, безмозглое создание, Латика, – выговорившись, он отпустил меня и кивком указал на дверь.

Я, скрипя зубами, удержалась от ответа, вошла в дом и направилась к наставнику.

Тарвос сидел на ковре в окружении свечей.

– Тебе лучше посвятить остаток вечера медитации, девочка.

– Да, наставник, – смиренно произнесла я, усаживаясь напротив.

– Я заварю чай, – Тарвос поднялся. – Он поможет тебе хорошенько выспаться. А пока откинь все лишние мысли. Есть только ты и твоя судьба. Услышь её и прими то, что она скажет. Иногда выбираем не мы, а нас, но в конечном счёте торжествует справедливость и наступает равновесие, – голос наставника убаюкивал. Сейчас он был не тем, кто гонял меня до пота и крови по площадке, ронял в грязь, каждый раз заставляя подниматься, обливал ледяной водой и отправлял бегать босиком по снегу. Я благодарна ему за всё, и мне жаль его подводить. Он не виноват в том, что я выросла трусливой, что я не желаю испытывать эту свою судьбу, не желаю смотреть смерти в глаза.

Я уткнулась в чашку, вдыхая поглубже горячий пар. Мне бы хотелось сейчас попросить у наставника прощения, но я не имела на это права.

– Пей, Латика, я оставлю тебя на пару часов. Тебе нужно побыть наедине с собой.

Я промолчала. Наставник прав. Наедине с собой. Я ещё раз прокрутила в голове план. Он не был безупречен, но я просчитала всё до секунды. Оставалось дожидаться ночи.

Когда Тарвос вернулся, его шаги разбудили меня, и я наскоро пригладила волосы и приняла сидячую позу, но от него не ускользнул мой заспанный вид. Глаза протереть я даже не успела, а ещё я больно лежала щекой на завязках рукава, и на коже образовался ощутимый на ощупь рубец.

– Опять проспала всю медитацию. Ты неисправима, Латика, – покачал головой Тарвос.

– За это ты меня и любишь, – я попыталась улыбнуться, и наставник смягчился. Вечерами он всегда был покладист и нежен со мной. В отличие от утренних часов, когда в него вселялся настоящий бык. Того и гляди зарядит копытом, только посмей не выполнить задание. Однако и от быка мне удавалось сбежать, а вернувшись под вечер, я, как правило, заставляла его уже в добром расположении духа.

– Отправляйся спать, девочка. Восстанови силы. Они у тебя есть. У тебя есть всё, чтобы побеждать, – ох, как я не любила эти его высокопарные фразы. Они всегда выжимали из меня слезу. Вот и сейчас я смахнула её с ресниц.

Тарвос щурил светлые глаза, всматриваясь в моё лицо. Он улыбался, и вокруг глаз разбегались в стороны морщинки, но во взгляде залегла грусть, будто наставник уже простался со мной.

Я была не первой, кого он терял. Во время стычки с племенем Ворон у Проклятого леса погиб его сын. Тогда беспощадный воин Тарвос пожух, как осенняя листва, но жизнь продолжалась, и он попросился у вождя в наставники к его младшей дочери. Здесь его беспощадность попёрла с новой силой, и злоба, что предназначалась для «ворон», день ото дня выплёскивалась на нерадивую ученицу. Однако в очередной раз размазывая по лицу грязь, смешанную со слезами, обрабатывая синяки и ссадины, оставленные его деревянным мечом на моём теле, я чувствовала любовь наставника. Любовь и желание сохранить мою жизнь.

– Спасибо, наставник, – прогнусавила я, и это было всем, на что я оказалась способна в такой момент. В момент нашей последней встречи.

– Латика, – он коснулся ладонью моего плеча, тонкие губы пожилого, но всё ещё одного из самых сильных мужчин, каких я знала, дрогнули.

– Тарвос, – я коснулась его плеча в ответ и улыбнулась, как можно более обнадеживающе. Пусть он видит, что я не сдаюсь, что я верю в победу, что я не боюсь и не прощаюсь, а потом я повернулась к двери и сжала губы до боли, чтобы они не скривились в гримасе рыданий.

Ошибка природы. Я даже попрощаться нормально не научилась. Нужно было чаще посещать уроки этикета. Вздохнув, я покинула комнаты наставника. Предстояла еще встреча с няней.

Она ждала меня в хорошо проветренной и убранной спальне. Свежая постель поблёскивала в мягком лунном свете, и хотя выглядела идеально ровной, как корочка льда на пруду, няня в который раз приглаживала невидимые складки ладонью.

Мы обе сейчас старались делать вид, что ничего не происходит, что это всего лишь обычный вечер, но она уже знала о поединке. Наверное, мать предупредила её, ведь домашним разрешено сообщать об этом.

– Я уже приготовила тебе ванну, – сказала няня будничным тоном, но настолько тихо, насколько возможно, чтобы скрыть дрожь и слёзы в голосе.

– Да, спасибо, – бросила я небрежно, следуя в моечную мимо склонившейся над кроватью женщиной.

– Что... – услышала я за спиной и остановилась, прежде чем закрыть за собой дверь. Обернувшись, я увидела, как няня стоит, сжимая в руках подол фартука. – Что приготовить тебе на завтрак? – спросила она ещё тише. Она крепилась изо всех сил, я видела блеск влаги в её глазах, видела, пятна, ползущие по коже лица, и как покраснел кончик её носа, поэтому быстро отвела взгляд, молча дёрнула плечами и скрылась за дверью.

Мне бы хотелось сейчас обнять её, сказать, что всё будет хорошо, что это всего лишь испытание судьбы, и я его пройду. Все проходят. Все, кто был до меня и будет после. Хотелось произнести какую-нибудь возвышенную фразу, которая успокоит её, заставит принять всё, что ни произойдёт, но я сжала кулаки, прислонившись спиной к двери и сделала несколько глубо-

ких вздохов, чтобы удержать непрощенный поток в себе. Няня не должна видеть меня с заплаканным лицом. Я дочь вождя. Недостойная дочь.

Переждав накатившую волну, я скинула одежду и забралась в ванну. Тёплая вода приятно расслабляла, но сейчас мне это было ни к чему, поэтому, хорошенько вымыв волосы, я замотала их полотенцем и вернулась в спальню, закутавшись в халат. Няня уже ушла. Чистую одежду на завтра она не приготовила, значит, собиралась прийти с утра. На кровати лежала только белоснежная ночная рубашка.

Я открыла сундук и достала бельё, чёрную рубаху и такие же штаны. Надела сапоги, пристегнула пояс и сев на пол возле кровати, стала ждать, глядя в окно. Время текло медленно, растягивая пытку ожиданием. Иногда меня потряхивало от мыслей о том, как часы пробьют два раза, и я открою окно. Как потяну за неприметную верёвочку, свёрнутую в углу, и спущу с крыши конец прочного каната, как повисну на нём между окнами и, упираясь ногами в стену, поднимусь на крышу и скроюсь за парапетом.

Всё должно получиться. Я проделывала это уже много раз.

Дверь отворилась.

Меня бросило в жар, я с трудом удержалась в прежней позе, чтобы не выказать паники тому, кто вошёл в мою комнату.

Мать? Нет, обычно её походка тороплива и легка.

Отец? Нет, его шаги были бы тяжелее.

В животе что-то ухнуло вниз.

Нейт.

Что он здесь забыл? На моём лице выступила испарина, но я не шевельнулась. План и без того грозил сорваться, не хватало ещё выдать себя раньше времени. Но брат никогда раньше не входил в мою комнату. Так зачем же он заявился теперь?

Он, тем временем, подошёл, посмотрел на меня долгим взглядом и сел напротив, прислонившись к стене. В отличие от меня он не переоделся. На нём была всё та же светлая рубашка и кожаный жилет, штаны и высокие сапоги. Чёрные блестящие волосы были убраны в хвост. На поясе поблёскивал рукояткой кинжал.

Я изобразила самое безразличное лицо, какое только могла.

– Не спится? – спросил Нейт. – Мне тоже.

Дальше последовало молчание. Тик-так. Тик-так. Тик-так. Я вслушивалась в тиканье часов, а моя голова то и дело норовила повернуться и посмотреть на стрелки, и я с трудом сдерживалась.

– Знаешь, Тарвос никогда не жаловался на тебя отцу, – изрёк мой правильный и до блеска чистый в своих помыслах и деяниях брат, – но я-то знаю, что ты частенько прогуливала занятия, равно как и уроки, чтобы поразвлечься. Тебя не раз видели в компании Мэта, этого пустоголового сына кожевенника и его подружки.

Я посмотрела ему в глаза. Чего он хочет?

Тик-так. Тик-так. Часики-то тикают. Как бы не хотелось мне сейчас отбрызнуть любимого братца, я решила не вступать в разговор, чтобы он поскорее убрался отсюда.

– А твои похождения по трактирам? Думаешь я ничего не знаю? – прищурился Нейт, а я сжала губы, чтобы спрятать улыбку.

Однажды мы с Бербой стащили у её матери краски, которыми она мазала лицо, когда выступала перед публикой со своим театром. С их помощью мы, как смогли, придали себе более взрослый вид, оделись в материны же платья и отправились в трактир, чтобы повеселиться. Мы немного потанцевали, а мужчины наливали нам вино. Да, посмеялись мы потом на славу. Правда, перед этим, Тарвос за косы вытащил нас оттуда и заставил меня в наказание пробежать тысячу кругов по двору. Я бегала всю ночь и рухнула прямо на пороге, где и уснула.

– Смотрю на тебя и ничего... Понимаешь? Пустота, – Нейт покачал головой. – Будто никого и нет.

– Бом, бом, – пробили часы, и я вздрогнула, наверное, слишком заметно. Время пошло. Жар снова пополз по телу, рубашка прилипла к спине, но я упорно продолжала смотреть перед собой и не позволяла себе поддаваться на попытки брата вывести меня из себя.

Он встал и наклонился ко мне, коснулся пальцами подбородка, заставляя поднять на него глаза, долго всматривался в них. Мне даже показалось, слишком долго. И слишком много раз уже успели протикать часы за моей спиной.

– Ты ничтожество, Латика. Я просто в очередной раз в этом убедился. Ложись спать. Не хочу, чтобы наш бой закончился за две секунды.

Я сжала кулаки.

– Хочешь растянуть удовольствие?

– Хочу подольше тебя помучить, – он усмехнулся и неторопливо вышел.

Я посмотрела на часы.

Проклятье! Мне придётся действовать в два раза быстрее.

Времени на страх не осталось. Если я задержусь ещё немного, план окончательно рухнет. Я выверила каждый шаг ночных караульных, каждую тень в конкретный лунный день и конкретный час. О, да! У меня было на всё это очень много времени, ведь я знала, что мне предстоит с честью умереть от руки брата, с тех пор как научилась понимать человеческую речь.

Сейчас или никогда! Ещё две минуты, не более, тень от башни будет падать на стену дома, что поможет мне выскользнуть из окна и перебраться на крышу незамеченной.

Я открыла окно и взобралась на подоконник. Прохладный влажный ветер остудил разгоряченное от переживаний лицо. Встав на цыпочки, я дотянулась до не приметной верёвочки и потащила на себя, с крыши упал конец выкрашенного в чёрный цвет каната. Подёргав, я убедилась, что он всё ещё крепко привязан к шпилью, на котором крепился флюгер, и схватившись руками как можно выше, оттолкнулась от подоконника и повисла на канате.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Пальцы хватаются за парапет, я подтягиваюсь на руках. Они дрожат. Я скребу ногами по стене. Капля пота сползает по виску. Хвала Тарвосу! Переваливаю за парапет и шумно и часто дышу, лёжа на спине и глядя на звёзды.

Первый этап пройден. Конечно, я рассчитывала время на то, чтобы как следует замести следы своего побега, чтобы надолго оставить всех в неведении, но теперь у меня был небогатый выбор: бросить всё, как есть, и бежать, пока караул не вывернул с расходящихся в стороны от площади улиц, или завтра умереть.

Выбор был очевиден, поэтому я ползком пересекла крышу, проверила на прочность ещё один чёрный канат и свесилась через парапет с другой стороны дома, скользя между окнами.

Петля среди дворовых построек, я неслась в сторону Крысиного переулка. Караульные никогда не совались в него, да и повстречать там в это время кого-нибудь из жителей практически невозможно, а миновав его, оставалось лишь пересечь узкую речушку и скрыться в можжевеловой роще.

Но сорванный план не так-то просто залатать, как было.

Стоило мне добраться до реки, как я услышала голоса и вместо того, чтобы перебежать речушку по мосту, нырнула под него, чуть ли не кубарем скатившись с обрыва, и спряталась, стоя по самые ножны в воде, вдыхая запах нечистот из сточной канавы.

О, нет...

Путешествие мокрой курицей не входило в мои планы. Едва не сорвавшись на слёзы отчаяния, я вспомнила о богатстве своего выбора: умереть завтра в поединке или попытаться выжить в Проклятом лесу.

Я сморгнула слезинку. Шаги над головой заставили задержать дыхание.

– Думаю, уже скоро, – сказал незнакомый мужской глухо звучащий голос.

– Да, но будет ли с ним справиться проще? – этот голос показался мне знакомым, но его обладатель нарочно говорил почти неслышно.

– Определённо, он ещё щенок.

Кто «он»?

Сердце забилось быстрее, хотя минуту назад мне казалось, быстрее некуда. Почему-то сразу в мозг закралась мысль о брате.

– Но Тарвос...

Дальше я не расслышала. Хотелось вылезти и красться следом за этими людьми, которых я так и не узнала. Причём здесь мой наставник? От нахлынувших мыслей, толкающихся теперь у меня в голове друг с другом, я даже забыла, что стою в холодной воде, от которой уже вот-вот начнёт сводить ноги. Я всё равно ничего не выясню сейчас, а если меня завтра убьёт родной братец, я тем более никогда и ничего уже не выясню, так что я отринула все сомнения и раздумья по поводу непонятых мною фраз и неузнанных голосов и на четвереньках выползла на берег, озираясь по сторонам, пригнувшись, перебежала через мост и юркнула под раскидистые кроны можжевельника.

Пробежав чуть вглубь терпко пахнущих зарослей, я остановилась и прислушалась к тишине.

За можжевелевой рощей узкой полосой пролегла окружная дорога, погружённая во тьму, как и всё вокруг, поэтому я быстро пересекла её и бросилась через поля, засеянные рожью, туда, где начиналась заросшая репейником пустошь, а дальше самым настоящим исполином вставал Проклятый лес. Моя возможная смерть, но и моя надежда.

Уставшие ноги заплелись, и я рухнула в колосья. До леса оставалось шагов триста. Шумное дыхание перемешалось с окружившим меня ярким шелестом потревоженных зерновых, я лежала и гадала, через сколько времени дом оглушат крики: «Латика сбежала!» Поднимется настоящая шумиха. На улицы выйдут десятки воинов и собак. Они обшарят каждый грязный угол, а потом кто-нибудь нападёт на мои следы, которые я не успела спрятать, и пустится в погоню. Всё же меня не оставляла надежда, что в лесу никто не станет меня искать. Но что, если они решатся?

Впрочем, у меня была забота поважнее. Не сгинуть в трясине, не погибнуть в лесу, преодолеть свой страх, достичь *той* стороны. А там, я слышала, лежит огромное озеро, что простирается до самого горного хребта, и на его берегах живут озёрные люди, промысляющие рыбой.

Никто из племени Пеликанов не пересекал Проклятый лес, но однажды к нам забрёл странник, что пришёл из-за реки. Он и рассказал мне об озере. С тех самых пор, узнав, что где-то есть место без гейсов и поединков, где каждый может жить, как хочет, где каждого готовы принять в свою большую семью, я и загорелась идеей побега.

Чтобы обойти то озеро, понадобится много дней и чуть меньше, чтобы переплыть его на лодке, а преодолев горы, можно открыть для себя новый мир: свобода, удивительные пейзажи и бескрайний океан. Океан мечты.

Тряхнув головой, я резко села. Тоже мне, размечталась в двух шагах от смерти. Выживи, а потом мечтай. Вытянув шею, я осмотрела поле.

Но сначала уловила запах.

Костра и мяса.

Кочевники...

Они появились из темноты, как два демона смерти. Издалека их шапки со звериными мордами и накинутае на плечи шкуры создавали впечатление силуэтов в плащах и капюшонах, и лишь когда на них попал голубоватый свет луны, я различила усатых мужчин. На поясах и в руках блеснуло железо.

– Э! О!

– О-эй-о!

Я не разобрала слов, только эти обрывистые звуки, потому что в этот момент, развернувшись и даже не выпрямляясь в полный рост, рванула к лесу. Что-что, а бегать я умела, но именно теперь мешок показался мне слишком тяжёлым, он больно лупил по спине и тянул плечи книзу. Ноги после недолгого отдыха тоже никак не хотели работать в полную силу, я задыхалась, спотыкалась, но продолжала бежать. Я слышала крики мужчин, чувствовала дрожь земли под их тяжёлыми ногами, она гнались за мной. Справа от меня в землю воткнулось копьё, и я припустила быстрее. Если бы они хотели меня убить, то не промахнулись бы. Они хотели лишь напугать. Им это удалось. Сердце пропустило удар и забилось, как залетевший в кувшин мотылёк. Ещё чуть-чуть и оно просто вырвется наружу через моё окаменевшее от жажды и страха горло.

Казалось, один из мужчин немного отстал, потому что его голос доносился издалека, но второй уже почти догнал меня. Я чувствовала, как он дышит мне в спину, и не смела ни оглянуться, ни притормозить. Перескакивая через коряги, отшвыривая попадающиеся на пути шарики перекати-поле, я уже мчалась через пустошь, и лес распахивал свои объятия. Я никогда не думала, что буду нырять в его крошечную тьму с таким облегчением.

Выхватив в последних серебристых полосках света, что смогли проникнуть сюда, стену кустарника, я влетела в него и сразу же напоролась ногой чуть выше колена на что-то острое.

– М-м-м! – замычала беззвучно, рванула, едва не закричав от боли, чувствуя, как распоролась кожа, но не остановилась, а продралась сквозь кусты, раздирая лицо и руки, упала, споткнувшись, перекатилась через мешок и замерла, вжавшись в землю, цепляясь ногтями за влажный мох.

Сердце било по ушам, и мне трудно было расслышать шаги кочевников. Я задержала дыхание. В нос карабкался прелый запах листьев, в которые я уткнулась, боясь даже на мгновение приподнять лицо.

Сучья трещали совсем рядом. К одному голосу прибавился второй, мужчины ворчали, сплёвывали, переговаривались, но я не понимала ни слова. Возможно, они пришли из-за реки, а может и ещё откуда подальше. Кочевые племена подолгу не живут на одном месте. Они постоянно в поисках лучших условий, богатой природы, интересной добычи. Я, судя по всему, относилась к последнему, и я так устала бежать, что просто лежала и ждала, когда меня поднимут за шкуру, как котёнка и посмеются в лицо. Но сдаваться я не собиралась. Рука медленно ползла к ножнам. Если успею выхватить нож, то, по крайней мере, разукрашу одного из них.

За кустами булькнуло, раздался всплеск и вопль. Ещё бульк-бульк. Чавканье. Кряхтение. Ругань. Треск. Ругань. Чавканье. Бульк-бульк. Шаги. Разговор.

Эта возня дала мне возможность дышать.

Вдыхала я осторожно и медленно, поглощая прелый запах, наполняя лёгкие сыростью листьев и близостью земли.

Я ничего не могла видеть, но моё воображение явно нарисовало картину произошедшего. Один из кочевников пошёл вперёд и провалился в воду, второй помог ему выбраться, а теперь они шарили глазами во тьме в поисках меня. Мокрые, измазанные, потные и злые. Если они меня найдут, то брату я уже не достанусь ни живой, ни мёртвой.

Шаги стали удаляться, уводя за собой потрескивание веток, шуршание листвы, сопение, сморкание и плевки мужчин.

Неужели они отказались от мысли меня поймать? Или затаились, изобразив, что уходят, и ждут, когда я себя выдам? Ну уж нет! Я продолжала лежать, не поднимая головы, неизвестно сколько ещё времени. Расцарапанные руки и лицо щипало от воды и грязи. Страх постепенно начал угасать, как и охвативший тело колотун, и на их место выступили холод и боль. Вода из-под мшистого покрова пропитала одежду, и я даже лёжа ощутила всю её сырую тяжесть.

Ещё немного послушав ночную тишь, которую, впрочем, нельзя было назвать мёртвой, потому что то тут, то там что-то копошилось, шуршало пищало и фыркало, я, наконец, приподняла голову, всматриваясь вперёд сквозь ветки за кусты. Выждав с минуту, я оперлась на ушедших в мох и воду по самые запястья руках и села на колени, тут же заскулив от боли, как собака, словившая пинок.

Боль отдала в голову. Тьма перед глазами закружилась, меня затошнило, и, обхватив руками ногу, я повалилась на бок. Слезы побежали, впитываясь в мох.

Почему всё так? Хотелось закричать, но я лишь молча скривила рот.

С самого начала мой побег не заладился. Это всё Нейт. Ненавижу тебя! Слышишь? Ненавижу!

Утро подступалось к Проклятому лесу осторожно. В вышине над верхушками пролегла серебристая полоса. Скоро мой секрет раскроется, а может, уже раскрылся. Если отец направит дружину, они, скорее всего, погонятся за мной на лошадях, а значит до леса им скакать меньше часа. Я шмыгнула носом, протёрла лицо ладонью и села, вытянув пораненную ногу. Привыкшие к темноте глаза, различили торчащую из-под рваных краёв штанины более светлую, чем ткань, кожу ноги, распоротую поперёк. Достав из мешка флягу, кусок чистой ткани, я полила рану водой и обмотала ногу поверх штанов. Засиживаться больше было нельзя. Ночь без сна и остановок – мой единственный шанс увеличить отрыв.

При каждом шаге, нога требовала прекратить ходьбу и лечь, но я, подобрав длинную крепкую ветку и втыкая её в мох перед собой, упорно двигалась вперёд. Прямо и прямо.

Каждый шорох за спиной побуждал меня застыть на месте и вслушиваться. Погоня могла меня настичь в любой момент, ведь я же не знала, когда обнаружат моё исчезновение. Это могло произойти как утром, так и ночью. В таком случае удача мне не светила.

Продвигалась я медленно. Слезы прокладывали по щекам мокрые дорожки, боль не отпускала, и свыкнуться с ней не получалось. Тряпица пропиталась кровью, да ещё и неприятно тёрлась о рану, видимо мне не хватило сил примотать её как следует. Я сбросила её и втоптала в грязь, чтоб не попала кому-нибудь на глаза, села на более или менее сухую кочку, достала чистую полоску ткани, глотнула из фляги, чуть полила на рану, сморщилась и наложила ткань, привязав её как можно туже, под ткань я подсунула ветки с двух сторон в надежде. Что они помогут держать ногу прямо и не сгибать её какое-то время, чтобы не натягивать повреждённую кожу и мышцы.

Идти стало ещё труднее, я хотела теперь только одного: избавиться от боли. Постоянные кочки, ямки, поваленные деревья и пеньки заставляли сгибать ногу, так что ветки пришлось вскоре вытащить и идти, преодолевая боль, однако долго так протянуть не получалось. Силы утекали. Я мало спала и давно не ела, но оторваться от погони нужно было сейчас. Остальное потом.

Я всё ещё боялась, что кочевники могли вернуться за мной. Неспроста же они так быстро ушли, отказавшись от мысли ловить меня во тьме. Им нужны были, как минимум, факелы, а ещё сухая одежда, один из них точно искупался, я слышала это. Всё, что я могла сейчас сделать, это уйти как можно дальше в лес.

Эта мысль гнала меня, как сумасшедшую. Я перестала замечать, что меня окружало, перестала выхватывать из тумана и мрака тени, перестала шараться от тянувшихся ко мне, словно корявые пальцы, ветвей. Лесные звуки слились для меня в единый бесконечный шум, напоминающий жернова, которые перетирали всё, что попадалось на их пути, и мне казалось, остановись я, и они тотчас примутся за меня.

Но всё же это произошло.

Ухватившись за ствол, покрытый лишайником, я сползла вниз. Голод, холод, охвативший тело ознобом, сон и боль, стоило мне остановиться, напали разом, словно четыре адских пса.

Сняв с плеч мешок, я полезла за куском хлеба, и лишь на секундочку привалилась затылком к дереву.

Когда я открыла глаза, вздрогнув от осознания того, что уснула, что-то, может, ветерок щекотал лицо, но вот мой взгляд упал вниз, и я вскрикнула. Кисти моей правой руки не было видно из-за покрывших её тонким слоем маленьких чёрных муравьёв.

Я вскочила, затрясла рукой, обтирая её об штаны, отряхивая плащ, сорвала с шеи руану, и забыв о боли, скакала между торчащих из земли корней, пока на мне не осталось ни единого насекомого. Тяжело дыша, я вернулась к месту своего отдыха и наклонилась за мешком.

Что?

Где он?

Сердце в панике запрыгало, стучась в самое горло. Он же лежал здесь! Кто-то украл его, пока я спала. Затаившись, я осмотрелась, прислушалась к тишине, но, кроме уже привычных мне звуков, ничто не тревожило слух. Хотелось снова в бессилии сползти и забыться в обнимку со стволом, но стоило мне представить, как кожу щекочут лапки сотни муравьёв, как меня передёргивало и желание присесть напрочь отпадало. Тем не менее, я чувствовала, что, если не сяду, попросту упаду. Нога пульсировала, а лицо покрылось испариной. Нельзя было больше тянуть с лечением, но мазь, которую я прихватила на такой случай, осталась в мешке.

Я бродила между деревьев, уже не понимая, под каким из них сидела, но самое страшное, я вовсе не была уверена в том, с какой стороны и куда я шла.

Все деревья вмиг стали для меня одинаковыми. Я потеряла всякий ориентир и лишь слабый луч солнца, протискивающийся меж стволов и веток, намекал, откуда я бежала. Глотнув из фляги, я поплелась дальше, каждые несколько шагов останавливаясь, дыша и молясь лишь о том, чтобы дотянуть до помощи. Отчего-то я верила, что озёрные люди не откажут мне в ней, но сколько ещё до них идти, я не знала. Зато точно знала, что плохи мои дела. Мне нужно было лекарство!

С трудом оглядевшись во время очередной паузы, на фоне обычного сине-чёрного лесного фона, к которому я привыкла, ведь Проклятый лес был лишён ярких красок, вдруг замаячило впереди нежно-зелёное облачко. Я зажмурилась. Когда открыла глаза, облачко всё ещё светлело там, и я, оттолкнувшись ладонью от склизкого ствола, направилась, прихрамывая, к островку, который вблизи оказался крошечной опушкой торфяного мха.

Да! Мне не почудилось, она и правда была там! Что это? Проклятый лес исполняет мои желания? Что бы там ни было, я не собиралась раздумывать, боль отдавала в висок, и я торопливо стянула с ноги грязную повязку, нагнувшись за растением, и только, коснувшись пальцами мягкой зелени, словно услышала глубоко в голове слова жреца: «Страшная кара!»

Нет! Нет! Нет! Ну, почему всё так?

Подняв глаза к небу, я не увидела там никакого спасения, только чёрную сеть, плетённую ветвями деревьев. Но было не время для паники.

Разорвав пошире штанину, я опустилась на колени и легла в моховую подушку, растянувшись, лишь быстро окинув её взглядом на предмет каких-нибудь насекомых. Рану приятно за холодило, и я прикрыла глаза, погружаясь в тревожный полусон.

То мне виделись кочевники со звериными мордами на головах, то они исчезали, а на их месте появлялись брат и отец. Брат смеялся: «Ошибка природы!», а отец смотрел сурово и грустно: «Ты предала своё племя», – слышала я его голос. Но я не могла согласиться с ним, внутри сжималось, ведь видели боги, я никого не предавала, а лишь хотела выжить.

Отец и брат исчезли, и я увидела Тарвоса, он что-то говорил, и мне сначала показалось, что из его напряжённых губ вылетали слова: «Дерись, Латика, дерись!», но я присмотрелась к наставнику, и прислушалась повнимательней.

«Беги, Латика, беги!» – ревел Тарвос. Я отмахнулась от видения. Лежать во мху мне сейчас было лучше, чем на перине. Какое счастье просто спать, ни от кого не убегая, ни прячась.

– О-а... Е! – вдали раздалось за кустарником, и сердце стукнуло едва ли не в подбородок. Мысли о сне тут же испарились, я заставила себя подняться, заскулила от боли в ноге и поковыляла прочь из оазиса свежести в чащобу, полную мрака, чёрных стволов и тёмных вод. От недолгой передышки ноги не отдохнули, а лишь задеревенели, и теперь я шла медленней, чем до остановки, но надеялась, если не произведу много шума, то смогу затеряться во мгле и тумане, который синеватой дымкой стелился меж деревьев. Густые заросли высокой травы показали неплохим убежищем, и я юркнула в них, но...

– Бульк! – булькнула вода.

– Чавк! – отозвалась жижа, поглотившая мои ноги.

Я потянула их кверху, рискуя остаться без обуви, схватилась за траву, порезала ладони и зашипела. Но голоса, треск сучьев и шаги были уже близко. Барахтанье могло выдать меня, и я замерла, неизбежно погружаясь в тягучую воду.

– Да я точно видел её, – слышался голос.

Как? Это не кочевники? Кто же тогда?

– Обман, – теперь женский голос. – Проклятый лес играет с тобой.

– Здесь точно была девка. Общем всё.

– Ш-ш-ш! Тихо!

Болото заглатывало жертву, то есть меня, и помереть вот так вот мне не хотелось. Уж лучше в драке, да хоть в «братском поединке». Только не так, только не в болоте. Я закричала и, разрезая в кровь ладони, потащила себя наверх. Трясина не отпускала, даже наоборот, ей нравилось играть со мной, чем сильнее я тащила тело наверх, тем более жадно она чавкала, облепляла ноги, засасывая в своё мрачное холодное нутро. Я не сдавалась, но обессиленное тело проигрывало раззадорившемуся болоту.

– Вот она, я же говорил! – закричал мужчина, прорвавшийся сквозь кусты и травы. – Вот демон! Да тут трясина! Палку, быстро!

– Тише ты, не призови ещё кого, – шикнули на него из кустов, и в их ветвях появилась женщина, не мене здоровенная, чем мужчина. Её рыжие волосы были заплетены в тяжёлую косу на бок. Из-за плеча торчало оперенье стрел и лук. Женщина протянула мне ветку, и я ухватилась. Сейчас меня волновало лишь одно – не быть съеденной прожорливым болотом, и кажется, я начала выигрывать. Мужчина присоединился, и они потянули вдвоём. Мои руки соскальзывали, лицо облепила грязь, но я всё же цеплялась как могла и перебиралась выше по ветке.

– Давай, давай, ползи, вот и умница, – подбадривала женщина, и, наконец, колено ощутило под собой твёрдую землю, я легла на живот и поползла, загребая руками, подтаскивая большую ногу. Выбравшись, распласталась, тут усталость и болезнь взяли своё, лес наклонился, заходил кругами вокруг меня. Кто-то закричал.

Очнулась я, лёжа на жёсткой кочке. Рядом на коленях стояла рыжеволосая и перевязывала мне ногу. Поблизости стояли двое мужчин. Оба большие и волосатые, только у одного короткая почти квадратная бородка, это он помогал меня вытаскивать, а у другого – длинная и заострённая. Шкур ни на них, ни на женщине не было, равно как и звериных шапок. Все были одеты в штаны, туники и короткие плащи. На поясах – кинжалы, за плечами колчаны со стрелами. Охотники? Но из какого племени. По соседству с пеликанами здесь жили только вороны, при мысли об этом у меня что-то сдавило внутри, и я хрипло закашлялась, как древний дед, и только теперь ощутила всю шаткость своего состояния. Я балансировала где-то на грани сознания и забытья, тело ежеминутно вздрагивало, мокрая одежда не добавляла тепла.

– У тебя гной, – сказала женщина. Нужны целебные травы, но здесь ничего нет.

– Там был мох, – проговорила я почти севшим голосом.

– Нам тоже так показалось, когда Джаред тебя увидел, – она кивнула на мужика с короткой бородой, – а потом мы вытащили тебя и вернулись, но ничего не нашли.

Я устало откинула голову на кочку. Держать её на весу было тяжеловато.

– Э, не-не-не, – заговорила женщина, подкладывая ладонь мне под плечи и побуждая сесть. – Тебе нельзя забываться и спать. Нужно идти. Чем скорее ты получишь помощь, тем больше шансов выжить и не лишиться ноги.

– Что?

– Дело дрянь, я тебе говорю. Здесь недалеко место нашей стоянки. Разведём костёр, обсохнешь и пойдём.

– Куда?

– Тебе лучше отправиться с нами. Отпустить тебя в таком состоянии одну просто не человечески. Кстати, а куда ты направляешься? – прищурилась женщина. – Да, ой, я, Клота, если что. – Она улыбнулась, сразу сделавшись милее и моложе. —А ты?

– Ла... – я на мгновение замолчала, ведь говорить настоящее имя было опасно. Мало ли кому известно имя дочери вождя пеликанов, – ... вена, – соврала я, изобразив, что запнулась от боли.

– И? Куда ты собралась, Лавена?

– К озеру, – мой взгляд перебежал с одного лица на другое. Мужчины посматривали на меня с недоверием, а Клота старалась быть учливой, но время от времени косила на них глаза.

– Прекрасно! – с улыбкой воскликнула она. – Мы же как раз оттуда! Ладно, поднимайся. Сможешь идти?

Я поднялась, стуча зубами от холода и озноба.

Клота подставила мне локоть, и я зашагала, опираясь на неё. А какой у меня сейчас был выбор?

Глава вторая. Нейт

Я смог уснуть лишь под утро. Дотошное видение никак не выходило из головы. Я представлял глаза Латики и думал, как она будет смотреть на меня, когда я нанесу смертельный удар? С ненавистью? С презрением? С мольбой?

Лучше бы с ненавистью.

Зачем я только пошёл в её спальню? Я же ни разу там не был за всю свою жизнь.

Странно, мне казалось, там должно было быть всё в позолоте и куклах, каких я видел у Лавены. Они сидели на стульях и сундуках, наряженные в разноцветные платья, увешанные побрякушками. А ещё куча шкатулок и баночек на столиках. Чтобы складывать подарки и безделушки. Хотя, откуда у моей сестры подарки? Разве что от этого мелкого сына кожевенника.

Где это всё? Я ничего девчачьего не увидел в спальне моей никчёмной сестры. Только грубая деревянная кровать, столик и зеркало, возле которого лежал кинжал, наверняка подаренный отцом или Тарвосом. Ещё мой взгляд выхватил стопку книжек, но каких, я не разглядел. И зачем я только пошёл туда?

Чтобы её разозлить.

Да, я пошёл, чтобы разозлить и вывести сестру из себя. Чтобы она сказала мне всё, что обо мне думает, а я ведь знаю, что она много чего интересного думает обо мне. Мы почти не общались, но также, как и я о ней, она обо мне многое знает от других. Она завидует мне, я уверен, и бесится, узнавая о моих победах в поединках. Моя сестра глупа и ничего не умеет, при этом слишком самоуверенна. Она меня ненавидит.

Я хотел увидеть это в её глазах, а получил лишь пустой взгляд в стену. Тёмный и пустой.

Я сам хотел разозлиться. Так, чтобы при виде сестры на поединке еле сдерживаться, ведь я могу прикончить её одним ударом.

Но я не разозлился. Она не сделала для этого ровным счётом ничего. Дрянь. Маленькая хитрая дрянь. Будто знает, чего я хочу от неё, и делает всё наоборот. Сегодня я положу этому конец!

Натянув последние, наиболее удавшиеся для поединка мысли, как тетиву, я оделся в удобные не стесняющие движений штаны и свободную рубашку, закрепил на поясе кинжал и, убрав волосы в хвост, направился в столовую.

Маленькая дрянь наверняка ещё спит. О чём она думала, когда я зашёл к ней? Что пряталось за пустым взглядом? Может, ничего? Наверное, ничего. А может, она, как и я, слой за слоем намазывала на своё сердце, как масло на хлеб, ненависть ко мне, чтобы сегодня поднять меч на старшего брата.

Я усмехнулся. Моя сестра и меч. Нелепость. Я слышал, что она тренировалась, но ни разу не видел её в городских поединках. Она трусливая.

Няня Латики семенила в столовую, когда я нагнал её. Встревоженное побелевшее лицо женщины вызвало спазм у меня в животе. Что ещё могло случиться в день поединка?

– Моя сестра ещё спит? – спросил я, натянув улыбку, хотя улыбаться мне сейчас хотелось меньше всего. Впрочем, эта женщина вырастила сестру, и её боль, наверное, можно понять, она же догадывается об исходе битвы.

Женщина прокашлялась.

– Её нет... – тихо сказала она. – Нет в комнате и нигде...

Няня тяжело дышала, грудь так и ходила под передником.

– Повтори... – приказал я. Что-то леденящее поползло по телу.

– Латики нет... – она что-то ещё добавила, но я уже не слушал, а бежал в столовую. Отец стоял, оперевшись на стол кулаками, и взглянул на меня исподлобья.

Мать сидела за столом, опустив руки.

Я сразу понял, что они знают.

– Отец, надо поднять всех и обыскать каждый закоулок. Она не вправе втаптывать в грязь традиции племени.

Вождь покачал головой.

– Правда твоя, сын. Никто не вправе. Поэтому инцидент не должен получить огласку. Без лишнего шума отправим на поиски проверенных людей. Её не в закоулках надо искать. Похоже, твоя сестра покинула город. Вот так-то.

– Но как?

– Поверху, – усмехнулся отец. – Мы уже сняли два каната, чтобы не привлекать внимания. Она выбралась через окно, и по канату влезла на крышу.

– Тарвос знает?

– Да. Он рвался её искать, но я велел ему остаться. Он нужен мне здесь. Гнилой ветер дует с востока.

– Вороны?

– Всё никак не успокоятся. Урожай золотых желудей близок, и южные племена под угрозой. А тут ещё такое...

– Я сам её найду, – сказал я, разворачиваясь. – И верну, даже если придётся тащить её всю дорогу за волосы.

Мать вскочила, хотела что-то сказать, но осеклась, поймав мой полный решимости и гнева взгляд. Да, я был в гневе. Ещё в каком гневе!

– Только без шума, сын. Слышишь? – крикнул вдогонку отец.

– Да, отец, – ответил я на ходу. Понятно, что без шума. Такое событие в состоянии разрушить столпы, на которых держится племя, пошатнуть веру людей в вождя.

Бегом я влетел в комнату сестры и сразу к окну, напротив которого она вчера так сосредоточенно сидела. А я-то дурак не догадался, что всё это время, пока я дразнил её, пытаюсь заставить играть по моим правилам, она ждала лишь моего ухода, чтобы удрать. Удрать, как крыса, от своей судьбы.

Я сплюнул под ноги и выглянул в окно.

Они хотят сказать, что моя сестра проползла такое расстояние по канату, перелезла через парапет и спустилась с той стороны? Мне в самом волшебном сне не привиделось бы такое! Наверняка ей кто-то помогал. Возможно, этот кретин Мэт. Я бы с радостью сейчас встряхнул бы его, как следует. Но нельзя. Мальчишка разнесёт весть по городу. И уже через полчаса на площади соберётся толпа, требующая ответов.

И всё же как моя сестра это провернула, не попав на глаза караульным? Они что, там все спали что ли?

Я вспотел и развязал ворот рубашки. Потом поднялся на крышу, посмотрел вниз. Она могла уйти куда угодно. Мне срочно нужен был Эрин. И его Гончий.

Эрин, которого я застал дома, смотрел на меня с непониманием. Его пёс, лёжа у ног хозяина, постукивал по полу тугим хвостом и тоже недоверчиво поглядывал на нас обоих.

– Выглядит так, будто ты отправляешься в погоню за своей сестрой. С собаками, – прищурился Эрин.

– Не в погоню, а на поиски, не переворачивай. Я должен её найти, но она может быть, где угодно, а отец сказал не поднимать шума. И, кстати, если предположить, что она за городом, то сам подумай, какие опасности её там поджидают. К примеру, кочевники. А если они признают в ней дочь вождя пеликанов, сам посуди...

Я заткнулся, потому что по взгляду Эрина понял, что он и так уже «посудил». Эрин потёр подбородок.

– Не поднимать шума? – переспросил он. – Почему? Зная об опасностях, о которых ты говоришь. Стоило бы поднять дружину.

– Потому что... – я осёкся. Никто не должен знать о дне поединка заранее. Челюсти Эрина заходили туда-сюда, а бледное лицо покрылось пятнами.

– Поединок... – выдохнул он. – Вот почему вчера у неё были такие глаза.

– Какие глаза? – вспыхнул я. – Она пыталась тебе что-то сказать? Даже здесь умудрилась нарушить правила! Маленькая дрянь!

Я чувствовал, что закипаю изнутри. Дайте мне сейчас сюда эту девчонку, и я разрублю её на две половинки!

– Полные отчаяния, – задумчиво произнёс Эрин.

Я нервно рассмеялся.

– Чего? Отчаяния? Моя сестра даже не понимает, что это такое. Слушай, друг, ты ведь совсем не знаешь Латику, – мне уже надоел этот бессмысленный разговор. Эрин всё равно не посмеет послушаться, когда я скажу, что это не просьба, а приказ вождя.

– Ты прав, – огрызнулся он. – Но я хотел бы узнать. А ты требуешь, чтобы я гнал её, как зверя на охоте, – прошипел Эрин. – Лишь для того, чтобы ты прилюдно её убил?

Глаза Эрина воткнулись в меня, как два клинка. С чего он вдруг так печётся о ней? Ещё и узнать захотел! Да они виделись разве что на общих собраниях племени и праздниках. Или же я чего-то не знал?

– Минуточку... – начал я медленно, нужно было выяснить всё здесь и сейчас. – Хотел бы узнать Латику? Зачем? – Теперь вопросы задавал я, и выражение лица «наследник вождя» у меня неплохо получалось. Так говорил Орлам. – У тебя к ней какой-то интерес, Эрин? А ты не думал, что ей предстоит драться со мной? Ты мой лучший друг, но чью сторону ты собираешься занять?

Эрин посмотрел вниз. Прекрасно. Не хватало ещё, чтобы Латика увела у меня друга. Да когда она успела? Я чувствовал, что лицо горит, сжимал кулаки и изо всех сил старался держаться, чтобы не припечатать Эрина к стене.

– Да какой может быть интерес, – махнул тот рукой, что меня слегка охладило. – Просто... Я не могу так... этот ваш поединок...

– Это закон. Традиция, – сказал я твёрдо, чтобы Эрин, наконец, прекратил распускать сопли. Время было сейчас явно не на нашей стороне.

– Да, – еле слышно выдавил он.

– Так прекрати уже ныть. Было бы из-за кого! Эта... эта безделушка, ошибка природы.

– Да что ты заладил! «Ошибка»! – вскинулся Эрин, смахивая волосы со лба. – Что за бред! – пусть негромко, но он сказал это с такой яростью, что я опешил. Даже не опешил, а казалось, у меня ум зашёл за разум. Ведь я не сам придумал это...

Мне было три года, и я сидел на полу возле маминой кровати, играя с деревянными ножичками, когда в комнату вошёл жрец Мидир. Уже тогда я знал, как зовут этого человека с бородой и усами, вечно одевающегося в балахон с капюшоном и пахнущего свечами и специями. Следом вошёл отец.

Мать отняла от груди свёрток тряпья, поправила рубашку и положила свёрток в люльку. Я встал и подошёл к нему.

Там было маленькое красное личико с круглыми глазками, похожими на две козы какашки. Оно улыбалось мне, и я тоже тогда улыбнулся.

Потом над люлькой склонился Мидир, и маленький ротик скривился, раскрылся и издал крякающий звук. Я поморщился, жрец – тоже.

– Ш-ш-ш, – прошикала мать, качая люльку, и маленькое личико, увидев её, замолчало и зачмокало губами. – Жрец Мидир, я боюсь...

– Что ваш сын начнёт привязываться? – догадался Мидир. – Так разделите их. Каждому свою няню и своего наставника. Пусть они не проводят время вместе, но будучи равноправными наследниками проходят путь будущего вождя племени и имеют равные возможности для подготовки к «братскому поединку».

– Но ведь она девочка, – сказал тогда отец, и я узнал, что свёрток с личиком называется «девочкой».

– Послушай, вождь, ты дрался в поединке с братом, твой отец дрался с братом, как и твой дед. И поверь мне, я точно просчитал, что момент зачатия благоприятствовал появлению мальчика, но даже у природы случаются ошибки. Эта девочка – ошибка природы... – сказал жрец, а я узнал, что свёрток с личиком, называемый девочкой, – ошибка природы. – Но это не умаляет её права родства. Я нарекаю её Латикой, и как любой наследник она получит свои запреты, – так я узнал, что девочку, которая была ошибкой природы, звали Латикой.

Эрин смотрел на меня с гневом, тяжело и часто дышал, а я смотрел сквозь него. Потом потряс головой. Бред или не бред, это так. Этого не должно было быть.

– С тобой или без тебя я найду её и верну в племя. Но ты мне нужен, Эрин, – я хлопнул его по плечу. – И твой пёс.

Гончий замотал хвостом, словив брошенный на него взгляд. Он чувствовал напряжение в нашем разговоре, отчего вид у него был обеспокоенный, но этот пёс – лучшее, что только можно придумать для поисков.

– Жду тебя дома. Возьму ещё пару воинов из дружины отца. Кто знает, с чем или с кем придётся столкнуться помимо моей обожаемой сестрички.

Эрин в ответ лишь проскрипел зубами.

Однако через двадцать минут он уже был на месте. И довольный предстоящей прогулкой Гончий – тоже.

– Даже палатку захватил? – поддел я Эрина. – Большие, однако, у тебя планы на мою сестру.

Эрин молча сжал челюсти. И когда только успел стать таким чувствительным? Мы же с ним каждый день вместе работали на площадке, пока он не уходил в лес с охотниками.

Иногда я смотрел на него и думал о том, что, если бы он был моим братом? Нам пришлось бы скрестить мечи на глазах у всего племени. Я почти всегда выходил победителем из наших боёв и должен был бы его убить.

Я шмыгнул носом. Прохладно стало по утрам.

Эрин бросил на меня холодный взгляд. Такой, будто бы он уже проиграл. Я поднялся в комнату сестры с Гончим, дал ему понюхать её рубашку, оставленную на краю ванны, домашние туфли, гребень, лежащий на столике. Пёс суетливо побегал по комнате приносясь, встал лапами на подоконник и залаял.

– Всё верно, Гончий, искать! – сказал я, и мы спустились.

Двое воинов из дружины отца, Ансгар и Брайс, уже ждали нас с лошадьми на заднем дворе. И ещё Мелвинн, наш конюх.

– Поедем верхом до тех пор, пока это возможно, чтобы сократить расстояние до нашей беглянки, – сказал я, запрыгивая в седло. Если что, Мелвинн вернётся с животными назад, а мы вчетвером продолжим поиски.

Мы тронулись, и Гончий радостно понёсся впереди всех.

Я рассчитывал, что сестра свернёт вправо или влево, надеясь спрятаться в горах либо же проскочить незамеченной мимо кочевников и устремиться к реке, но Гончий бежал и бежал прямо, нюхая землю и ловя носом ветер.

Неужели у неё хватило ума податься в Проклятый лес? Похоже, весть о поединке повредила её рассудок, раз она пошла на такое. Пеликаны не ходят в лес. Никто, кроме обученных охотников. Таких, как Эрин. Осматриваясь по сторонам, я отстал и теперь нагнал друга.

– Слушай, если она отправилась в лес, на сколько велики шансы, что она до сих пор жива?

– Не знаю, – буркнул Эрин. – Проклятый лес имеет привычку подстраиваться под каждого путника. Он знает твои мысли, желания и страхи и использует всё это так, как ему заблагорассудится. Здесь бесполезно строить какие-либо предположения, – он огляделся, на лице отразилась тревога. Мы уже пересекали поле, и вероятность, что сестра предпочла другой путь лесу, становилась всё меньше.

Колосья ещё не успели полностью распрямиться, если окинуть поле быстрым взглядом издалека, то можно угадать следы, ведущие сквозь него. Но что странно, и это заметили все, по колосьям пролегла не одна тропка. Справа поле было прилично измято, и след уходил далеко в сторону реки. Здесь был кто-то ещё, кроме Латики.

Гончий подтвердил мою догадку, глухо, ворчливо залааяв.

Эрин подозвал пса, дал ему ещё раз обнюхать рубашку.

– След!

Пёс припустил вперёд к пустоши, весело пестреющей розовыми цветками чертополоха, а в моей груди, чем дальше, тем сильнее холодело.

– Поспешим, – сказал я Эрину. – Не хотелось бы у самого входа в лес наткнуться на её хладный труп.

Друг только мрачно посмотрел на меня. И что только было сейчас в его голове?

– Да ладно тебе, я просто смотрю на вещи трезво. Глупая девчонка одна в Проклятом лесу. А ещё хуже, если не одна, а кто-то со стороны реки пошёл туда за ней.

– Хватит, Нейт! – рявкнул Эрин. – Не нагнетай.

– А то что? – я прибавил скорость и преградил другу путь. Нет уж, пусть объяснит мне причины своих переживаний. – Может, я чего-то не знаю? Вы были близки с Латикой? Ты с ней... м-м... встречался?

Друг поднял глаза к небу.

– Я что похож на сумасшедшего, чтобы встречаться с твоей сестрой? Тем более, с той, которую ты *так любишь*, – на этом слове он растянул губы в кислой улыбке. – Видят боги, Нейт. Это смешно.

Я развернул лошадь прямо.

– Тогда объясни к чему это твоё мрачное молчание и вот это вот «не нагнетай».

– К тому, что меня не отпускает мысль, что я, охотник, гоню своего пса по следу испуганной девчонки, спрятавшейся в Проклятом лесу от собственного брата, который должен её убить. И мне противна сама мысль о поединке Латики с тобой.

– О традиции племени, ты хотел сказать. О его законе. Вот так и появляются предатели.

– Что? – сверкнул глазами Эрин. – К чему ты клонишь?

– К тому, что всё дурное начинается с плевка на законы и традиции. И ты заявляешь об этом мне, будущему вождю племени. Если бы я столько лет не знал тебя, Эрин... Впрочем, давай просто найдём её и доставим домой живой или мёртвой.

– Давай. И, кстати, ты ещё не победил в «братском поединке», *будущий вождь*.

Я засмеялся. Ну, правда.

– Ты сейчас серьёзно? – спросил я, не имея мочи остановить смех.

– Вполне, – без тени улыбки произнёс Эрин и пустил свою лошадь быстрее.

Вскоре мы пересекли пустошь и врезались в границу леса, причём она казалась сплошной линией, но когда мы подъехали вплотную, то сразу очутились в окружении кривых деревьев, будто обнимающих нас, затягивающих в свою чёрную пасть. День уже разыгрался, но из леса так и веяло тьмой и прохладой.

Моя лошадь взбрыкнула, едва вступив на покрытую иглами можжевельника землю, принялась фыркать и трясти мордой. Остальные тоже пятились, а то и разворачивались обратно.

Только лошадь Эрина обречённо смотрела вперёд. Однако же, друг спешил и похлопал её по боку.

– Может, оставим хотя бы одну? – спешиваясь, предложил я. – Что если моя сестра... не сможет идти? Мне что её на руках тащить?

– Я потащу, – бросив на меня суровый взгляд, ответил Эрин, и я не удержался, закатил глаза. – Лошадь будет здесь только обузой, сейчас убедишься сам. Местность болотистая и неровная, буреломы повсюду. Животное нас замедлит. Идёмте.

Взглянув на солнце, подползающее к пустоши, Эрин зашагал в гущу раскоряченных стволов.

Ансгар и Брайс тоже неохотно отпустили лошадей. Мелвинн свистнул их и повёл в обратный путь, а мы двинулись за нашим охотником, озираясь по сторонам и ожидая подвоха от каждого куста, которые, казалось, так и норовили полакомиться свежим мясом и раскрывали свои тёмные рты нам навстречу.

Серебристая шерсть Гончегго мелькнула в колючем кустарнике. Пёс припал к самой земле и пополз под ветвями. Эрин продирался следом.

– Демоны, чуть не провалился, смотрите-ка, – проворчал Ансгар, вытаскивая свою огромную ногу из зеленоватой жижи, которая теперь стекала с его сапога. – Да тут глаз да глаз. Под ноги глядите!

– Кровь, – раздался из-за куста голос Эрина, и я, раздвинув ветки, ринулся к нему, но чуть не напоролся на торчащий острой пикой сук.

Сук оказался измазанным... Кровью...

Гончий метался на мшистом пятачке, беспокожно принохиваясь и поскуливая. Его хозяин, присев на корточки, рассматривал побуревший от крови мох.

– Всё ясно, – я сглотнул. – Она напоролась на сук и разодрала ногу.

– Судя по всему, сильно. Ей грозит воспаление.

– Надеюсь, ей хватило ума прихватить лекарства. Но к чему было нестись в эти кусты? Разве что от кого-то бежать... Если этот кто-то её поймал, мы не найдём Латикку, – я запустил пальцы в волосы, чувствуя неприятную тяжесть в животе, и сплюнул на землю.

Эрин поднялся.

– Найдём, – сказал он. – Гончий нас выведет, куда бы они не делись. – А ты больше не делай так.

– Не делать что? – не понял я.

– Не плюй на лесной покров.

– О боги! Может ещё и не сквернословить?

– Не помешает, – хмыкнул Эрин, подозвал парней и двинулся вслед за псом.

Несмотря на солнечный свет, пробивающийся сквозь чёрные сплетённые ветви старых деревьев, нас окутывала сырость и мгла. То здесь, то там от земли поднимался парок, вокруг булькало, под ногами чавкало, и мы шли как дети, которых впервые повели в незнакомое место. Даже Гончий, который не раз бывал здесь, не спешил и старался не удаляться от хозяина. Время от времени Эрин останавливался, прислушиваясь, мы тоже замирали, и в эти моменты на меня накатывало беспокойство.

В голову лезли разные неприглядные картинки о том, что могло произойти с Латиккой, если ей не повезло наткнуться на кочевников и убежать от них. Вряд ли они стали с ней церемониться. Эти люди – дикари и не знают ни приличий, ни границ. Сколько племён регулярно страдает от их набегов! Они убивают и уводят людей в рабство, тем самым приумножая свои племена. Не раз мы принимали в город беглецов, чьи деревни были разорены кочевниками. От них чаще всего страдают заречные народы. Там на равнинах, богатых лугами и пастбищами, им есть чем поживиться, и где развернуться. Разве что племя Ворон они не трогают, силёнок маловато. Да к нам не суются. Слава пеликанов разошлась по всему мате-

рику. И уж, конечно, кочевники не откажут себе в удовольствии заполучить девчонку из племени Пеликанов.

От этого у меня в груди начало что-то клокотать. Не знаю, испытывал ли я хоть раз в жизни подобные ощущения. Разве что при виде жреца Мидира. Он не хуже Проклятого леса навевал страх и тревогу.

«Тебе уже пора узнать свои запреты, маленький наследник вождя», – костлявые пальцы жреца легли на моё плечо. Мне хотелось подобрать только что выроненный от страха деревянный меч и обрубить их, но глаза, прикрытые туманом, впились в меня, как змеиные зубы. – Запоминай, Нейт, от этого зависит твоя судьба. Ни при каких обстоятельствах, ни в какие времена ты не должен делать этого: убивать животных, называть своё имя незнакомцу и поднимать с земли упавшее. – сказал Мидир, а я кивнул и наклонился за мечом. – Нейт! – вскричал жрец. – Страшная кара ждёт того, кто нарушит гейс, – прошипел он мне в лицо, когда я выпрямился, оставив меч на земле. Это был единственный раз в жизни, когда я обмочил свои штаны.

Захотелось сплюнуть, но я, уже собрав во рту горькую слюну, наткнулся взглядом на машущего рукой Эрина, и вспомнил его слова. Сжав кулаки, я проглотил слюну и пошёл туда, где ждал Эрин, но тот вдруг жестом приказал остановиться и присел возле пса, медленно вынимая из колчана стрелу.

Гончий, припав на передние лапы, тихо рычал.

Парни встали с двух сторон от меня и подняли щиты. Мы вглядывались в живые тени мёртвых деревьев, не понимая, что происходит, но и спросить не могли. Один Эрин что-то знал, но я боялся издать хотя бы звук.

Эрин резко развернулся и выпустил стрелу. Кто-то вскрикнул в кустах слева от нас, и в это же время, стрела ударила в щит Ансгара. Потом раздались крики.

– Ы-а-а! – завопил тугой, как тетива голос, и из лесной мути, где смешались стволы и тени, туман и отблески солнца, выскочили четверо мужчин устрашающего вида. Звериные морды на головах и шкуры, покрывающие тела, выдавали в них кочевников.

Мы приняли бой. Гончий бросился на одного из них, вцепившись тому в ногу, кочевник заорал и попытался ударить собаку мечом, но стрела Эрина нашла его шею мгновением раньше, и тело кочевника упало к собачьим лапам, а Гончий не стал долго с ним развлекаться, и вот уже юлил между нами и этими в шкурах, скалил зубы и гневно бросался, пока хозяин выпускал стрелу за стрелой туда, откуда в нас тоже летели стрелы.

Брайс зашипел, хватаясь за плечо. Стрела задела его и, к счастью, не застряла в плоти. Я принял удар, предназначенный ему, на свой меч. Болезненный скрежет вызвал в теле мурашки.

Деревья вокруг, казалось, услышали и подхватили его, заскрипев в унисон. На какой-то миг, мы с кочевником даже отпрянули друг от друга, будучи не в силах занести оружие над противником. Чужеродная сила, заставляющая конечности дрожать, оплела тесный пятак, где мы сцепились, сталкивая нас в кучу. Возникло чувство, будто окружающее пространство давит, заставляя нас приближаться друг к другу, враг к врагу.

Кочевники неплохо дрались для дикарей. Я даже не ожидал такого напора с их стороны. Их оказалось шестеро. Когда из кустов донёсся сдавленный крик, стрелы прекратили вылетать оттуда, и Эрин, который стрелял в то время, как его пёс бросался на врага, прикрывая хозяина, поднял свой меч. Теперь нас стало пятеро, считая пса, против троих. Потеряв ещё одного из своих, кочевники совсем озверели и без усталости размахивали мечами, а тот, у которого на голове была кабанья морда, довольно шустро орудовал огромным топором.

Щиту Ансгара, размером со стену небольшого сарая, от очередного удара не поздоровилось, деревянная защита разлетелась в щепки. Воин взревел, как медведь и, выбив, наконец, топор из рук здоровяка с кабаньей мордой, бросился на таран головой вперёд. Врезавшись в живот мужику, он припёр его к могучему стволу. От удара сотряслась земля. А дальше...

Дальше мы все застыли и прекратили драться, потому что ветви, как чёрные змеи, сдавили шею своей жертвы. Кочевник захрипел, глаза его выкатились, и он затих, только подрыгивал ногами и пальцами на руках.

Мы попятились. Кочевники – тоже. Гончий, заскулив, прижался к ногам Эрина.

– Что это? – спросил я у охотника.

– Проклятый лес, – скупно отозвался Эрин и кивнул в сторону уносящих ноги кочевников. – Идёмте скорее. Латики не было с ними.

Ансгар, с грустью в синих глазах посмотрел на обломки по-настоящему великого щита, перевязал плечо побледневшему Брайсу, и мы вяло зашагали дальше, постоянно оглядываясь, но чёрные стволы замерли, как ни в чём не бывало. И только понизу продолжало что-то шкворчать. Лесу не нравилось наше пришествие, но он присматривался, принюхивался, прислушивался к нам, чтобы решить, как вести себя с нами дальше.

После случившегося с кочевником, мы насторожились, и хоть и была мысль разделить, всё же предпочли держаться вместе, шли гуськом, постоянно оглядываясь друг на друга. Каждый чернеющий корень мне вдруг начинался казаться подвижным, как змея, я ускорял шаг и предпочитал смотреть только в спину Эрина. Гончий тоже не уходил далеко от хозяина, постоянно порывивал и поскуливал, держа хвост книзу.

Легенды о Проклятом лесе говорят, что он вырос на крови и телах канувших в преисподнюю людей. Деревья впитали в себя их души. И если одни души были светлыми и безобидными, то другие вполне могли оказаться злобными и мстительными. Вот, отчего деревья в Проклятом лесу могли быть так опасны.

– А что, если они это... – тихо начал Ансгар, поравнявшись со мной. Его рыжие длинные волосы взлохматились во время боя, нацепляли еловых иголок и веточек, и теперь воин своим видом напоминал сказочного хозяина леса. – Ну, наигрались с девчонкой и того. Здесь повсюду трясина.

Я остановился. В животе и без того постоянно присутствовала какая-то тяжесть, а он ещё тут со своими догадками!

– Нет, – отрезал я. – Им нет смысла её убивать. Её можно продать. Она...

Я заткнулся. А что я хотел сказать? Неважно.

– А если они выяснили, что Латика дочь вождя, то наверняка решили использовать её, чтобы воздействовать на него.

– Тихо вам! – зашипел Эрин. – Гончий обычно не ошибается, если он идёт по её следу, значит, кочевникам Латика не досталась. Шевелитесь. Она ранена, напугана и устала. Она просто не могла уйти далеко.

Будто бы поняв разговор, Проклятый лес уже через минуту подбросил нам доказательства правоты Эрина. Гончий припал к земле, начал рыть лапами, и вот, Эрин вытащил из жижи длинную тряпицу. Грязь стекала с неё, но не надо было быть собакой, чтобы понять, что тряпица служила перевязкой, и что она пропитана кровью.

Я поморщился и протянул руку. Кровь моей сестры? Я попробовал представить Латика бледной и измученной, ведь я никогда не видел её такой. Всегда этот наглый взгляд, всегда легкомыслие и наплевательство. Тряхнув головой, я отбросил всю эту чушь и вместе с ней тряпицу.

– Твоя сестра – крепкая штучка, – усмехнулся Ансгар. – Так истекать кровью и всё ещё идти вперёд. Лично у меня это вызывает уважение. Дочь вождя, одним словом.

Я зыркнул на Ансгара. Он отпрянул, потом на миг поднял глаза к небу и молча зашагал вперёд. Брайс прошёл мимо меня.

– Он прав, чего ты? – пихнув меня в плечо, сказал он, а я молча кивнул ему на проложенную широкими ступнями Ансгара тропу.

Дочь вождя.

Дочь вождя, у которой не хватило смелости принять свою судьбу в поединке.

Дочь вождя, которая подвергла наши жизни опасности, забравшись в Проклятый лес.

Дочь вождя, которая, возможно, умирает сейчас где-нибудь в трясине, а мы никак не можем её найти.

Последняя мысль скрутила живот, и я прибавил шагу.

Глава третья. Латика

– Разденься, так быстрее согреешься, – сказал Джаред, посадив меня у только что разведённого Каром костра.

Я съёжилась, крепче запахивая на себе промокшую куртку. Джаред почти всю дорогу нёс меня на руках, и хоть и говорил, что я ничего не вешу, всё равно дышал сейчас тяжело и часто.

– Он прав, Лавена, не смотри так, – смеясь, сказала Клота. – И не обращай внимания на его голодный взгляд. Мы просто уже давно не ели. Так что пора всем перекусить. – Она сняла плащ и подошла ко мне. – Давай, снимай свою мокрятину, я прикрою. Посидишь в моём плаще, пока всё не просохнет.

Я принялась стаскивать куртку, косясь на Джареда. Тот мрачно усмехнулся и растянувшись у костра, отвернулся от меня на другой бок. Кар, не обращая на меня никакого внимания, пошёл набрать ещё хвороста.

Стянув мокрую одежду, я быстро запахнула плащ Клоты поверх нижней рубашки, положила куртку поближе к костру.

Джаред оказался прав. Я начала согреваться, хотя бы верхней частью туловища, потому что штаны я так и не сняла, как бы укоризненно не качала головой Клота. Её плащ не прикрыл даже колени. Ничего, высохну и так.

Держа куртку перед собой, так чтобы на неё попадало больше тепла, я, разомлев, задремала, к тому же было темно, поэтому и не заметила, как по чёрной ткани забегали муравьи.

– А-а-а! – завопила я, сорвав с ветвей полчище ворон, когда увидела, как муравьи побежали по кистям рук, забираясь под плащ, впиваясь в меня крошечными челюстями. Бросив куртку в огонь, я вскочила и забегала, стряхивая с себя кусачих тварей. Мне казалось, я слышала, как щёлкали их челюсти, чувствовала боль укусов, и я визжала.

– Эй-эй! – схватила меня за плечи Клота. – Что с тобой?

Я показала ей всё ещё облепленные муравьями руки, но тут и лицо женщины покрыли сотни насекомых.

– Клота! Клота! Они тебя съедят! – кричала я.

Она, вся словно сделанная из насекомых, трясла меня за плечи, а я не могла говорить. Ужас охватил меня так, что я вырвалась и бросилась бежать, спотыкаясь и хромя, в гущу деревьев. Найти трясину, пруд, ручей, что угодно, только бы смыть с себя эту дрянь.

– Куда, дура! – кто-то схватил меня за капюшон плаща. Завязки больно врезались в шею, я вцепилась в них, перед глазами помутнело. – Жить надоело? – вскричал Джаред, развернув меня лицом к себе. На нём не было ни единого муравья. Он смотрел злобно и горячо, а я вся дрожала от страха. Опустив взгляд, я не увидела на себе ни одного насекомого, подняла руки, осмотрела ладони, но никого не нашла.

– Я... я... они... муравьи... много муравьёв повсюду, – пробормотала я, оглядываясь на Клоту, стоявшую у костра с обыкновенным чистыми лицом.

– Всё? – уже спокойнее спросил Джаред. – Отпустило?

Я закивала в такт своему бьющемуся в истерике сердцу.

– Ты ела в лесу что-нибудь? – спросила подошедшая к нам Клота, обнимая меня и увлекая обратно к костру.

– Нет, – прохрипела я.

– Кто-нибудь тебя кусал? Змея? Насекомые?

– Муравьи, – ответила я и вздрогнула. – Чёрные муравьи. Они... они хотели меня съесть...

– Ясно, галлюцинации. – сказал Джаред. Он дёрнул Клота за руку и мотнул головой куда-то в сторону.

Клота не повела меня к огню, а велела сесть возле дерева неподалёку от костра. Тепло доходило сюда, но не так, как хотелось бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.